ЛЮДИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Остров Врангеля

ОДНО ВРЕМЯ он служил чиновником для особых поручений при иркутском генерал-губернаторе, однако в гражданской службе быстро разочаровался и с началом Русско-японской войны добровольно вступил в ряды армии... 130 лет назад родился Петр Врангель – «Черный барон», как окрестила его советская пропаганда, или «Белый рыцарь», как называли его соратники.

«ЭВАКУАЦИЯ, СПЛАНИРОВАННАЯ И ПРОВЕДЕННАЯ ВРАНГЕЛЕМ, ВОШЛА В АННАЛЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. ВСЕГО ИЗ КРЫМА УШЛО ОКОЛО 150 000 ЧЕЛОВЕК И 120 СУДОВ РУССКОГО ФЛОТА».

Если и была в детстве у Петра Врангеля деревянная лошадка, едва ли он мечтал быть кавалеристом. Скорее, его манила романтика неизведанных земель. Наличие на географических картах имени Врангеля как будто обязывало юного Петра связать жизнь с изучением потаенных уголков планеты Земля. Но пройдет время, и игрушечная лошадка превратится в настоящую, прирожденную не бояться шрапнели. Будет и остров, только не среди полярных льдов, как названный в честь прашура Фердинанда в Северном Ледовитом океане, а куда в более приятном климате, – давно открытый и отлично известный путешественникам раньше самого Геродота. Обладать этим «островом» несостоявшийся горный инженер будет восемь месяцев, а владение им будет оплачено тысячами и тысячами жизней.

Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в Литве в семье директора страхового общества. Унаследовав титул русского барона, поместий и состояний не имел. Окончил Ростовское реальное училище и Горный институт Императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге. На военную службу вступил в 1891 году по призыву рядовым в лейб-гвардии Конный полк. В 1902 году выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавалерийском училище и приказом от 12 октября был произведен в корнеты с зачислением в запас. Некоторое время после этого Врангель исполняет должность чиновника по особым поручениям при иркутском генерал-губернаторе, не оставляя занятий геологией.

С началом Русско-японской войны Врангель по собственному желанию определен во 2-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска и «за отличие в делах против японцев» произведен в сотники. С марта 1907 года служил в родном лейб-гвардии Конном полку. В 1910 году окончил курс Николаевской академии Генерального штаба.

В самом начале Первой мировой войны за атаку германской батареи в конном строю Врангель удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени. Считается, что первым офицером во всей русской армии, получившим этот орден, был донской хорунжий С.В. Болдырев. Однако в дневнике императора Николая II имеется запись от 10 октября 1914 года: «После доклада Балка принял Костю, вернувшегося из Осташева, и ротм. л.-гв. Конного полка бар. Врангеля, первого Георгиевского кавалера в эту кампанию».

В декабре 1914 года Врангель уже полковник, с октября 1915-го – командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, с декабря 1916-го – командир 2-й бригады Уссурийской конной дивизии. 13 января 1917 года произведен в генерал-майоры.

После Февральской революции Врангель последовательно занимал должности начальника кавалерийской дивизии, сводного конного корпуса. За прикрытие отхода пехоты к линии реки Збруч во время Тарнопольского прорыва немцев в июле 1917 года постановлением Георгиевских Дум частей корпуса награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. 9 сентября назначен командующим 3-м конным корпусом, однако, как сообщает его послужной список, «вследствие большевистского переворота от службы врагам Родины отказался и в командование корпусом не вступил».

В Добровольческую армию генерал Врангель прибыл из Крыма 25 августа 1918 года, где, сказавшись лицом партикулярным, чудом избежал расстрела. Он не участвовал в Ледяном походе, не был свидетелем первых легендарных страниц Белого движения под водительством Корнилова, но очень скоро понял, до какой степени «междоусобная война со всеми ее ужасами извращала все нравственные понятия, грязнила душу».

К этому времени Добровольческая армия уже втянулась в бои за освобождение Северного Кавказа. Карьера, которую сделал Врангель в белых армиях юга, может быть названа выдающейся. Он одним из первых в Гражданской войне сумел оценить решающие преимущества, которые приобретают соединенные массы конницы. Через три месяца беспрерывных боев его 1-я кавалерийская дивизия была развернута в конный корпус, а за два дня до нового 1919 года Врангель получил чин генерал-лейтенанта.

В январе 1920 года Врангель заболел сыпным тифом в тяжелой форме. Оправившись от болезни неусыпными стараниями супруги, баронессы Ольги Михайловны, Врангель обнаружил, что армии белых ушли далеко вперед: основные добровольческие полки, сведенные в корпус, вели бои в каменноугольном бассейне, а на Северном Кавказе формировалась новая Кубанская армия.

4 апреля 1919 года Врангель подал секретный рапорт генералу Деникину, в коем предлагал считать «главнейшим и единственным нашим оперативным направлением – направление на Царицын, дающее установить непосредственную связь с армией генерала Колчака». Деникин, и не без оснований, придерживался иного мнения, и именно с этого времени начались серьезные разногласия между двумя военачальниками, которые так трагически повлияли на исход Белой борьбы в целом.

В мае 1919 года в Доно-Манычских степях слава Врангеля как выдающегося кавалерийского начальника блеснула еще раз: составленная под его руководством конная группа наголову разбила 10-ю Красную Армию будущего маршала А.И. Егорова.

8 мая 1920 года Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР) Деникин ставит перед Врангелем задачу овладеть Царицыным. «Красный Верден», как не без гордости называли город его защитники, пал под ударами частей Врангеля в десять дней. Тут же, после молебствия в городском соборе, Деникин отдает свой известный приказ «На Москву!». По признанию Врангеля, «Московская директива» поразила его «полным забвением всех правил стратегии». Приказ о походе на Москву Врангель считал «смертным приговором армиям Юга России».

В конце июня 1920 года армии адмирала Колчака уже стремительно откатывались от Волги в глубь Сибири. Врангель предложил «сосредоточить в районе Харькова крупную конную массу в 3–4 корпуса» и действовать на кратчайшем на Москву направлении совместно с Добровольческим корпусом генерала В.З. Май-Маевского. Эти предложения Ставка оставляла без внимания, пока не обнаружилась полная несостоятельность Май-Маевского, разложившего тыл до непотребства дантова ада и превратившего собственный штаб в не всегда трезвое гнездо чекистов.

Показательные расправы и расстрелы нового командарма уже ничего не могли поправить – белые войска неудержимо, а главное, без каких бы то ни было разумно объяснимых причин катились на юг, к портовым городам.

Оставшись не у дел, 27 февраля 1920 года Врангель подает в отставку и уезжает в Константинополь. Однако трагическая Новороссийская эвакуация уже поставила точку в полководческой судьбе Деникина, и в военной среде все чаще звучало имя Врангеля как начальника, способного избежать хотя бы полного позора.

18 марта того же года Врангель и другие видные генералы белых армий Юга России получили от Деникина телеграмму, предлагавшую им прибыть вечером 21 марта в Севастополь на заседание Военного совета.

Молодой лейтенант Шарль де Голль имел в своем кабинете фотографический портрет генерал-лейтенанта Врангеля

А 22 марта 1920 года генерал Деникин издает свой последний приказ по войскам: «Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России. Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, – низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию».

Победы Врангель уже не обещал. Свое политическое кредо барон определил в одном из первых выступлений перед высшим командным составом армии: «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые бы потянули к себе все помыслы и силы стонущего под красным игом народа».

Новороссийская эвакуация свела в Крыму все то немногое, что осталось от Вооруженных Сил Юга России. После десанта генерала Улагая на Кубань прибавились еще несколько тысяч. Еще позже в Крым была перевезена Кубанская армия генерала Фостикова, интернированная в Грузии.

К 28 апреля деморализованные ВСЮР были переформированы в Русскую Армию. Земельная реформа, за которую барон взялся безотлагательно, преследовала единственную цель – укрепление права бессословной частной собственности на землю. Земельный приказ 25 мая 1920 года имел самое серьезное влияние на постановку правительством Франции вопроса о международном признании Врангеля, чего не удавалось ни генералу Деникину, войска которого доходили до Орла, ни владевшему всей Сибирью адмиралу Колчаку.

Однако положение в Крыму было таково, что Врангелю пришлось в приказном порядке ввести обязательные для войск и населения три постных дня в неделю. Хлеб был дорог, и все-таки цена его была в четыре раза ниже, чем в Советской России. Тяжелейшая нехватка продуктов и фуража принуждала Врангеля, прикрываясь дипломатической завесой от английского союзного командования в Константинополе, к приращению территорий.

К маю 1920 года Русская Армия уже представляла собой серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловых частях достигала 40 тысяч человек. «Все боеспособное было влито в строй». Общая стратегическая обстановка начинала складываться в пользу белых: Красная Армия завязла на польском фронте, а Крымские перешейки пребывали под неусыпным оком генерала Я.А. Слащова.

25 мая 1920 года Русская Армия «вышла в поле» и рядом коротких сильных ударов обеспечила за собой житницу полуострова – Северную Таврию.

Успехи Врангеля встревожили большевиков. Советская печать била тревогу, призывая уничтожить засевшего в Крыму «барона», загнать его «в крымскую бутылку».

Надежды удержать Крым как некое подобие буферного государства, появившиеся было с внешнеполитическим признанием Врангеля и успехами поляков на западе, рухнули с открытием мирных переговоров между советскими представителями и режимом Пилсудского. «Остров Крым» отныне навеки отходил в область преданий – в удел создателей литературных антиутопий.

Тем не менее Крым при Врангеле мог послужить наиболее зрелым прообразом той послереволюционной России, которая бы вышла из Гражданской войны в случае победы белых над красными. Но участь его уже была решена в Москве и европейских столицах.

Проведя ряд успешных операций в Северной Таврии, Врангель столкнулся со значительным увеличением сил Красной Армии. После Рижского перемирия с Польшей Советы получили возможность перебросить против Врангеля 1-ю Конную армию, а также привлечь к решительному штурму «повстанческую армию» Махно.

В конце октября 1920 года Русская Армия была вынуждена отступить за крымские перешейки. «Для меня, – писал Врангель, – было ясно, что рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск уже нельзя, что предел сопротивляемости армии уже превзойден и что никакие укрепления врага уже не остановят».

Реввоенсовет Южного фронта предложил Врангелю сдаться. Узнав об этом, Ленин телеграфировал Фрунзе: «Только что узнал о Вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен уступчивостью условий». Существование «Острова Крыма» стало лишь вопросом времени...

Поздней осенью 1920 года в Крыму стояли беспримерные для этих мест 15-градусные морозы, от которых страдали обе сражающиеся стороны. Хуже приходилось врангелевцам – у них не было теплой одежды. Транспорт «Рион» привез из Константинополя зимнее обмундирование лишь тогда, когда все уже было кончено...

Однако даже после падения перекопских укреплений белые продолжали отчаянно защищаться. 11 ноября у хутора Уржина гвардейская кавалерия генерала Барбовича контратаковала части 52-й и 15-й стрелковых советских дивизий, обеспечив Русской Армии возможность оторваться от противника и спокойно двигаться к местам погрузки на корабли.

Своих судов не хватало. За неимением иных правительственных активов Врангель предложил французскому правительству в качестве оплаты за перевозку войск и беженцев весь тоннаж военного Черноморского флота и гражданских флотилий Евпатории, Керчи, Севастополя, Феодосии и Ялты.

Эвакуация, спланированная и проведенная Врангелем, вошла в анналы военной истории. Французские моряки послали Главнокомандующему восхищенную телеграмму: «Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко склоняют головы перед генералом Врангелем, отдавая честь его доблести».

Пройдет 20 лет, и некоторым из них самим придется разрешать непростую политическую задачу: что выгоднее иметь для спасения попранной государственности – государство без армии или армию без государства. Некий младший современник Врангеля решит эту задачу весьма успешно: недаром лейтенант Шарль де Голль, летом 1920 года руководивший подготовкой польских офицеров, имел в своем кабинете фотографический портрет генерал-лейтенанта Врангеля.

В десять утра 14 ноября 1920 года Врангель с командующим флотом объехал на катере грузящиеся суда. При проходе катера с переполненных людьми кораблей и Графской пристани Севастополя неслось несмолкаемое «ура». Махали платками, фуражками, многие плакали...

Снялись последние заставы. Юнкера Атаманского военного училища выстроились на площади. Главнокомандующий сказал им напутственное слово: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, оставляет родную землю. Мы идем на чужбину не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании выполненного до конца долга...».

Суда, вышедшие из крымских портов, выдержали нордост силой в семь баллов и, потеряв лишь один миноносец «Живой» с двумястами казачьими офицерами на борту, пришли в Константинополь и стали на якорь на рейде Мода. Находясь еще в море, с борта крейсера «Генерал Корнилов» (бывший мятежный «Очаков») Главнокомандующий послал в Константинополь следующую телеграмму для широкого оповещения:

«Русская Армия, оставшись одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности не смогла отразить натиск во много раз сильнейшего противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма. Учитывая те трудности и лишения, которые Русской Армии придется претерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму... Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспримерную в истории задачу и тем спасти Армию и население от надругания. Всего из Крыма ушло около 150 000 человек и 120 судов Русского флота. Настроение войск и флота отличное, у всех твердая вера в конечную победу и в возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из Великих Держав, оценившей мировое значение нашей борьбы».

Еще совсем недавно Врангель мечтал пройти по площадям Царьграда торжественным маршем кавалерийской дивизии, а увидел его изгнанником. В неблизких окрестностях Константинополя Русская Армия была размещена по частям на острове Лемносе и в лагерях для перемещенных лиц в Чаталджи и Галлиполи. По иронии истории на противоположном берегу пролива Дарданеллы находились рыболовецкие поселения «некрасовцев» – донских казаков-староверов, не принявших революционных новшеств царя-реформатора Петра Первого и покинувших родину после Булавинского восстания еще за триста лет до исхода Белой Армии.

В конце концов Врангелю удалось организовать переезд военнослужащих на постоянное место жительства в Сербию и Болгарию. Свой штаб генерал обосновал в сербском местечке Сремски Карловцы, поставив перед собой задачу объединить вокруг армии все силы белой эмиграции. А так как со временем армия как вооруженная сила перестала существовать, то 1 сентября 1924 года Врангель издал приказ, которым она преобразовывалась в Русский Обще-Воинский Союз.

Жизнь самого генерала главным образом определялась заботами о жизни подчиненных и членов их семей. В течение трех лет Врангель безуспешно искал издателя, готового заплатить ему хотя бы самый скромный гонорар за двухтомные «Записки», и в конце концов безвозмездно отдал их в редакцию сборников «Белое дело».

В масштабе человеческой жизни, да еще постоянно занятой походами и сражениями, ему сложно было оценить необратимость происходивших перемен.

Там, в небольшом сербском местечке, наблюдая за событиями на покинутой родине, генерал неоднократно задавался вопросом: «Неужели бесследно будет вычеркнута из истории России светлая страница борьбы ее лучших сынов, борьбы среди смрада российского пожарища, потоков крови, разврата и бесчестия родины?».

Генералу Врангелю не удалось сделать то, что спустя двадцать лет удалось генералу де Голлю, создавшему «Свободную Францию»: история не дала ему возможности возвигнуть «Свободную Россию». Но до конца своих дней он был убежден, что поруганное национальное достоинство Россия обретет только в собственном положительном прошлом.

В сентябре 1927 года генерал Врангель переехал с семьей в Бельгию, где вскоре неожиданно заболел и 25 апреля 1928 года скончался. Прах его, по завещанию, был доставлен в Белград и похоронен там в русском храме Св. Троицы, где покоится и поныне. Торжественная встреча траурного поезда состоялась 6 октября. На вокзале присутствовал сербский король Александр, весь генералитет югославской армии и вся русская колония в Белграде.

Врангель у штабного поезда, Царицын, 1919 год

«ФРАНЦУЗСКИЕ МОРЯКИ ПОСЛАЛИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВОСХИЩЕННУЮ ТЕЛЕГРАММУ: «АДМИРАЛ, ОФИЦЕРЫ И МАТРОСЫ ФРАНЦУЗСКОГО ФЛОТА НИЗКО СКЛОНЯЮТ ГОЛОВЫ ПЕРЕД ГЕНЕРАЛОМ ВРАНГЕЛЕМ, ОТДАВАЯ ЧЕСТЬ ЕГО ДОБЛЕСТИ».

«ГЕНЕРАЛУ ВРАНГЕЛЮ НЕ УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ТО, ЧТО СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ УДАЛОСЬ ГЕНЕРАЛУ ДЕ ГОЛЛЮ, СОЗДАВШЕМУ «СВОБОДНУЮ ФРАНЦИЮ»: ИСТОРИЯ НЕ ДАЛА ЕМУ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗДВИГНУТЬ «СВОБОДНУЮ РОССИЮ».

Материал подготовлен Антоном Уткиным при участии Елены Чавчавадзе, «Газета», фото hronos.km.ru, wikimedia.org.

Авторы благодарят графиню Марию Николаевну Апраксину (Бельгия) и Елизавету Владимировну Апраксину за помощь, которую они любезно оказали при подготовке данного материала.